

Карина Демина

Наша светлость

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Изольда Великолепная

Карина Демина
Наша Светлость

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Демина К.

Наша Светлость / К. Демина — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Изольда Великолепная)

Каждый шаг, каждый жест, каждое слово Изольды – повод для сплетен. И ладно бы дело ограничивалось разговорами, но желтые листовки, несмотря на все усилия Магнуса Дохерти, наводнили Город. Люди верят лжи, а еще призывам к свободе, равенству и мятежу. Кайя пытается избежать кровопролития, но Совет слишком уверен в собственной неуязвимости и не желает идти на уступки. Тень по-прежнему на свободе. А еще лорд-канцлер объявил войну, явно вознамерившись выжить Изольду из Замка, и готов использовать любые средства. Что остается первой леди? Выстоять. И принять правила новой игры.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Карина Демина

Наша Светлость

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Я вам пишу

Люди, не взрослейте, это ловушка!
Крик души

...Что я могу еще сказать?

Никогда не умела писать письма. Как словами выразить происходящее вокруг и как вообще отделить, о чем нужно писать, а о чем не стоит? И я пишу обо всем, что приходит в голову.

«...На днях Кот, забравшись на стол, валялся на бумагах и перемешал все так, что я до полуночи их разбирала. А на столешнице остались пятна от чернил, кажется, не выводимые...

...Майло поймал мышь и дрессирует ее, уверяя, что мышь – зверь очень сообразительный, просто всячески эту сообразительность скрывает. Хорошо, хоть не крыса. Фрейлины, сначала отнесшиеся к новой задумке с подозрением, теперь участвуют и строят для мыши дом. Вчера они спорили, какая обивка должна быть на мебели – из розового сатина или зеленого.

Выбрали синий.

И решили, что мышь определенно дворянского мышинового рода, о чем свидетельствуют крайняя ее чистоплотность и интеллигентность, свойственные лишь людям благородного рождения – тут я бы поспорила, – и потому нарекли ее Лорд Мыш.

Майло обещал найти ему леди. Чувствую, к концу недели нас ждет мышинная свадьба.

Пускай.

...Сенешаль отказывается предоставлять расходные книги, те, что касаются закупок зерна. Я подозреваю, что берет он его втридорога и с этого имеет откат, но доказать без книг не выйдет. Впрочем, зря он надеется, что я отступлюсь от этой темы.

Постепенно разбираюсь со всем этим хозяйством – зерно, вино, мясо... Ты вообще представляешь, во что тебе обходится содержание двора? Хотя, думаю, представляешь. Это я пока не привыкла.

И нет, упреждая вопрос, я не скупая. Я хозяйственная.

Домовитая!

...Вчера случилась буря. И стекла дрожали так, что я всерьез подумывала спрятаться под кроватью на случай, если вдруг буря прорвется. Не прорвалась.

Я очень скучаю по тебе.

Особенно ночью, когда остаюсь одна. Нет, ты не думай – Лаашья по-прежнему дежурит в нашей спальне, хотя мне кажется, что это уже чересчур. Кто бы ни устраивал предыдущие покушения, он явно успокоился. Устал? Или разочаровался в своих способностях?

Или покинул замок?

Но мои возражения Сержант не принимает. Он и вовсе превратился в мою тень. Ходит по пятам. Людей пугает. Впрочем, интуиция подсказывает, что от этого Сержант получает огромное удовольствие. Вперит в человека взгляд и смотрит, смотрит... ты сам знаешь, какой у него взгляд. Самые уравновешенные дергаться начинают. А о тех, кто послабее, и говорить нечего.

И не надоело же.

Я не жалуюсь, но всякий раз, оставаясь наедине с собой, я думаю о том, где ты. Мне легче, чем многим. Я знаю, что тебя сложно ранить и почти невозможно убить, но... это «почти» не дает мне покоя.

Я жду тебя. Я считаю дни, оставшиеся до зимы, уверяя себя, что уже недолго. Сегодня выпал снег. С утра. Это было красиво: белая сеть накрыла замок и старые розовые кусты, те самые, что стоят на моем балконе, сбросили листья. Меня уверили, что нет нужды прятать розы, что они привычные и к зиме, и к снегу, но я все равно волновалась.

Лучше за них, чем за тебя.

А снег к обеду сошел. Солнце яркое, блестят водой камни, воздух сырой. И я стараюсь не думать о том, что происходит на границе. Я бы поделилась теплом, если бы знала как.

Возвращайся.

Урфин почти все время где-то пропадает, а где – не говорит. Вижу, что устает зверски, отчего становится злым. Я стараюсь лишний раз его не дергать. И скажи, что не надо за мной присматривать, я справляюсь. Пусть лучше поспит пару лишних часов, на него же смотреть больно.

Тисса и не смотрит.

Я держу ее при себе во избежание ненужных разговоров. Как-то чересчур уж много в последнее время «случайных» встреч с Гийомом. Он выглядит отвратительно здоровым. Мне все это не нравится, солнце. Я не могу постоянно быть рядом с ней, а девочка слишком молода, чтобы прислушаться к голосу разума. И про Гийома рассказывать бессмысленно: решит, что клевета. Урфина она не замечает, хотя делает это исключительно вежливо, с достоинством.

Пора мне вмешаться, но знаю – станет хуже.

Я еще помню себя такой. У нас небольшая разница в возрасте, и от этого понимания становится лишь страшнее. Странное ощущение, что здесь я повзрослела, и как-то очень быстро. Наверное, это хорошо и правильно, но немного жутко.

А Урфин, по-моему, нарочно злит Тиссу. С недосыпу или из врожденной вредности, но он ведет себя как подросток, честное слово! Извительный обиженный подросток. Наверное, ты бы знал, что со всем этим делать.

Вот, теперь я тебе жалуюсь, так что можешь быть спокоен. Кот пришел утешать. Он почти постоянно рядом. Признавайся, ты и ему поручил присматривать?

...Я нашла кое-что в тех бумагах. Ты же не против, что я обжила твой кабинет? Мне там уютней, чем у себя, представляю, что ты ненадолго вышел и вот-вот вернешься.

И работа отвлекает.

«Золотой берег», как мне кажется, лишь часть системы. Мне было бы легче, если бы ты позволил дядюшке рассказать то, что удалось наработать. Пока Магнус всячески ускользает от моих вопросов. Он не отказывает, он просто не хочет, чтобы я лезла в эту грязь. И понимаю его позицию, но все же я вряд ли смогу оставаться в стороне. Из замка тоже видны мусорные кучи.

Это аллегория такая. Местный мусор хорошо прячут.

Дело в том, что я нашла еще четыре точки. И конечно, это вполне может быть совпадением, поскольку фермы расположены в разных частях протектората – спасибо Урфину за подробные карты, – но уж больно одинаковые схемы используются.

И те люди, которых казнили...

...Мне пришлось присутствовать. Я знаю, что это мой долг, и, пожалуй, готова была исполнить...»

Откладываю перо, разминаю затекшие пальцы – почти даже чистые. И буквы стали ровнее. Почерк выправляется волшебным образом – вот что значит регулярные тренировки. Ведь столько всего нужно рассказать... гонец отдыхает до завтрашнего дня, и я благодарна этому человеку за его работу.

Три дня на перекладных лошадях.

Переправа.

И снова путь.

Кайя получит письмо. Знаю, что будет читать и перечитывать. Я сама так делаю, когда становится невыносимо. Выучила наизусть почти, но... лист бумаги. Лиловые строки. Слова, за которыми слышу его голос.

Казнь... я думала, что будет хуже.

Урфин предлагал мне отсидеться, но это было бы трусостью и ошибкой: подданные желают лицезреть нашу светлость, которая оставила приговор в силе. Мы есть закон.

И мы должны видеть, что этот закон исполняется.

Снова корона и цепь – символы власти.

Синий с белым плащ. Длинный балкон – дом принадлежит градоправителю, и балкон, подозреваю, был сооружен именно для подобного рода нужд. Высокое кресло, рассчитанное на габариты Кайя. Но так даже лучше. Мне нужна поддержка, хотя бы от кресла.

Вереница лордов. И я очаровательно улыбаюсь, приветствуя их. Лордов бесят моя наглость и необходимость стоять в присутствии нашей светлости. Но ничего, потерпят. В конце концов, они этот закон придумали. У ног моих, на толстом ковре, устраивается Майло. По левую руку становится Урфин. По правую – Магнус, которому выносят табурет. Магнусу сидеть позволено. Он ведь Дохерти.

И я теперь тоже.

Герольд, тот самый, который объявлял о начале рыцарского турнира, вскинул жезл. И сворой голодных псов заскулили волынки. Качнулась толпа, желая ближе подойти к другому помосту, сооруженному посреди площади. Он невысок и выкрашен в черный цвет.

На помосте – тележное колесо с ремнями, которые палач проверяет тщательно.

– Иза, – Урфин вкладывает что-то в руку, – выпей. Прикажи принести воды и выпей.

То самое волшебное средство, которое рекомендовала Ингрид?

– Спасибо, но...

Не сейчас. Позже, если я пойму, что не справляюсь сама.

Наркотики – зло.

Толпа раздается в стороны. Я вижу горловину улицы, по которой тащится повозка, запряженная парой лошадей. Доносятся крики. Свист. В приговоренных швыряют гнилью. Я радуюсь, что сижу слишком далеко, чтобы увидеть подробности. И огорчаюсь, что не настолько далеко, чтобы не видеть ничего вообще. На них – шутовские наряды. Яркие-красные сюртуки с плечами, подбитыми ватой, отчего фигуры становятся гротескными, кукольными. Колпаки на головах завершают образ.

Я знаю, что это – часть ритуала казни. И проглатываю комок, подступивший к горлу.

Герольд оглашает приговор, перечислив все свершенные преступления, и голоса его хватают на площадь. А вперед выступает палач. Массивный мужчина с окладистой черной бородой, которую он заплетает в косички, украшая каждую бантиком. И это – особая привилегия.

Палача уважают. Не из страха, а... Магнус сказал, что он не причиняет лишней боли тем, кто не должен мучиться. Достоинство ли это?

Приговоренных, отвязав, ведут на помост. И каждый падает на колени, протягивая руки к нашей светлости. Милосердия.

– Не вздумай. – Урфин рядом. – Это ублюдки, каких мало. Когда «Красотку» брали, они поспешили избавиться от груза. Всех – в воду.

«Красотка» – это корабль. Команду его вздернули на месте: виселица по здешним меркам уже милосердие. А этим троим... нет, Урфин может не опасаться. Я не дрогну.

И волынки умолкают. Следующие несколько часов я хотела бы вымарать из памяти. И когда все заканчивается, я понимаю, что не способна встать. Пальцы так сжимали подлокотники кресла, что, кажется, с деревом срослись. Но Урфин подал руку, и я поднялась.

Меняхватило на то, чтобы вернуться в замок и снять корону. Цепь расстегивал Магнус.

– Ласточка моя... – Он поднес вино. Просто вино, терпкое и крепкое, ударившее в голову сразу. – Есть вещи, для которых нужна привычка.

Вряд ли я смогу привыкнуть. Меня знобит. И Магнус спешит долить вина. Верно, наша светлость напьется и заснет, а проснется с похмельем, которое здорово отвлекает от мыслей о правосудии.

– А вы не боитесь однажды казнить невиновного?

– Боюсь. – Магнус гладит меня по голове. – Но это хорошо. Страх заставляет проверять. И перепроверять. Хуже, когда его нет.

Кошмары мне не снятся.

Но писать о казни Кайя... там война, и еще я о смерти. Нет.

«...Я попробовала нарисовать схему. Пять точек – не так и много. Но есть общие закономерности. Например, расположение. Конечно, я рисую не так хорошо, как ты, но все-таки схемой проще. Кружочки – это фермы. Квадраты – крупные города. А треугольники – города, имеющие порт или являющиеся центрами торговли. Видишь: они сидят на транспортных связках. И до городов, где можно купить – у меня все не идет из головы та несчастная женщина – людей, недалеко.

В крупных городах легко потеряться.

Я, конечно, расскажу Магнусу, но он опять посоветует заняться чем-нибудь другим, более подходящим леди. Знаю, ты подумаешь так же, но меня мутит от вышивки.

Честное слово, я пыталась!

Освоила крест и гладь, но потом загнала иглу в палец, и это было неприятно. С лютней тоже как-то не сложилось. Я предупреждала, что слуха не имею, а они все равно...»

– ...Эта баллада крайне проста в исполнении, ваша светлость! – Тонкокостный мужчина склонялся предо мной, и нашей светлости виделось, что еще немного и он вовсе переломится пополам. Человек-соломинка в огромном напудренном парике. Может, он поэтому и кланяется, что парик слишком тяжел?

Заморский рыцарь, что пришел
Из северных земель...¹

Мэтр Голлум – кстати, весьма и весьма похож, особенно печальными глазами чуть навывкате, ресниц лишенными, – поет громко, вероятно пытаюсь преодолеть стеснение нашей светлости. У него хорошо поставленный тенор, а паучьи пальцы сноровисто перебирают струны.

Это простой инструмент. С ним и дети управляются. Но наша светлость взрослые.

...ухаживал и обещал,

что женится на мне...

– Ваша светлость, вы должны попробовать. Встаньте. Разведите руки и...

Меня заставляют подняться и руки разводят – ощущение, что обнимаю большую невидимую бочку, – а затем показывают, как именно нужно вытянуть шею, дабы звук покидал легкие правильно.

При этом мэтр не умолкает.

---

¹ «Леди Изабель и разбойник», старинная английская баллада. – *Пер. автора.*

Дева-дура, покинув родительский дом с малознакомым рыцарем, уговорившим ее прихватить парочку коней, золотишко и так по мелочи, мчится добывать простое женское счастье. Путь заканчивается на морском берегу.

...Здесь шесть невест я утопил,

И будешь ты седьмой...

Голос мэтра обретает требуемую зловещесть. И фрейлины всхлипывают, жалея бедняжку, которую так жестоко обманули. Обещали жениться, а сами – топить. Непорядочно.

Снимай шелковый свой наряд,

Отдай его ты мне.

Он слишком дорог и богат,

Чтоб гнить ему на дне...

К счастью, мой учитель увлекается балладой. О, сколько страсти в исполнении! Почти вижу маньяка, который требует снять не только платье, но и корсет, и даже нижнюю рубаху. Извращенец чертов. Ладно бы он честные намерения имел, а так же нет, скупостью ведем. Дев-то много, а корсет и перепродать можно. Дамы кивают, соглашаясь, что не тот ныне маньяк пошел.

И бедная дева соглашается, умоляя об одной малости: отвернуться на время стриптиза.

Ах, не пристало лицезреть

Злодею наготу...

Мэтру подпевает Майло, тонкий голосок которого очень женственен. Дуэт срывает аплодисменты, а коварный злодей спешит исполнить просьбу дамы. Да, мир здесь странный: серийные убийцы и те блюдут приличия.

Спиной он повернулся к ней,

Взгляд к морю обратив...

И девушка, не будь душой, воспользовалась оказией. Один пинок, и коварный злодей летит в пропасть. Правильно. Нечего честную женщину обманывать. Правда, еще несколько куплетов поверженный маньяк цепляется за край обрыва, умоляя спасти и обещая взять в долю. Но дева на уговоры не поддается.

А я вдруг вспоминаю Кайя.

Его уже месяц нет рядом. И в этот момент кажется, что я не выдержу дольше.

Выдержу. У нашей светлости крепкие нервы.

И о тоске писать не стану.

«...Я учусь, солнце. Пытаюсь во всяком случае. Манеры. Правила. Гербы. Родственные связи. Правильная речь... никогда бы не подумала, что я настолько косноязычна. Рито-

рика. Логика... и ничего в голове не задерживается. Стараюсь, честное слово, но вряд ли я когда-нибудь одолею хотя бы треть того, чего от меня добиваются. Слишком стара я, слишком занудна вся эта наука. Единственное, с чем дело обстоит более-менее успешно, – это танцы.

Нас взялся учить Магнус. Я подозреваю, что затеял он все не ради меня, но принять участие была рада. Представь, я в паре с Ингрид. Тисса – с Урфином, который в кои-то веки и зевать перестал, и заткнулся, что вообще сродни чуду. Гавин – он все еще сторонится всех, и Долэг. Она очень забавная и умная девочка, пожалуй, еще вопрос, кто из сестер о ком заботится.

Магнус управляет оркестром и нами.

Приседание. Поклон. Поворот.

Все это безумно интересно и забавно, хотя, наверное, никто не понял, почему я смеюсь. Наши танцы совсем другие. А здесь все просто, если не забывать, что за чем следует. Я забываю.

Скачу ошалевшей козой, но хотя бы в такт музыке. А Магнус говорит, что весь секрет танцев в том, чтобы убрать ногу до того, как на нее наступят.

Уроки длятся недолго. Но весело всем: Ингрид и та улыбается. Ты, наверное, никогда не видел ее улыбающейся. А Гавин оттаивает рядом с малышкой, когда забывает, что рядом взрослые, и начинает объяснять ей что-то. Он ужасно серьезный при этом. Почти как ты.

Тебя не хватает. Всегда и везде. Но я уже научилась справляться с собой.

Снова кляксу посадила. Но переписывать не стану. Я ее усовершенствую. Вот этот цветок, который ты видишь, раньше был кляксой. Знаю, что цветы дарят дамам, но... надо же было что-то с ней сделать? И да, с учителем рисования мы тоже не сошлись во взглядах.

Уж очень мое яблоко абстрактным вышло... и кувшин... а про модель, которой служила Тисса, вовсе умолчу. Я рисунок ей не показывала – сразу в камин отправила. Так что иных талантов, кроме занудства, во мне не обнаружено. Ты, конечно, не согласишься. Ты же одержимый и не способен оставаться беспристрастным. Но я этому эгоистично рада.

В любом другом случае я бы ревновала.

И ревную. Приступами.

В пустой голове всякие мысли рождаются. Я верю тебе, иначе не завела бы этот разговор, но иногда как вспомню некоторые ваши обычаи... и ведь понимаю, что ты мне не изменишь, но все равно зверею.

Озверелая, я страшна.

Констебль вот, под руку подвернувшийся, согласился, что надо бы в замке порядок навести. Правда, негодяй этакий, умолял погодить до весны. Весной, мол, ремонт веселее идет.

Я согласилась.

И ограничилась реставрацией гобеленов. На очереди война с плесенью, ремонт и замена портьер, а также каминных решеток. С коврами немного пережду, бедный Макферсон рыдает, подсчитывая воображаемые убытки.

Он, к слову, еще та падла. Извини, но другие слова просто не в состоянии столь же полно отразить истинную его суть.

Вот ты знал, что реально ты задолжал гильдии ткачей? И портным? И еще сапожникам, камнетесам, краснодеревщикам... да почти всем в этом городе! Интересно, что из казны деньги уходят почти сразу. А вот до адресата добиваются спустя полгода. И возникает закономерный вопрос, какими хитрыми путями они идут?

Кайя, вот сейчас я на тебя зла. Почему ты позволяешь им себя обворовывать? Причем всем! Одни тащат по мелочи. Другие не стесняются брать полной горстью. Они тебя за идиота держат?

Прости, солнце, возможно, тебе было некогда заниматься счетами, но раз уж я занялась, то доведу дело до конца, чего бы это ни стоило. Подозреваю, любви ко мне не прибавится, но

хоть уважать станут слабый женский ум, о котором мне не устают напоминать. И с риторикой своей отстанут. Без нее обойдусь. Так что будь готов к жалобам.

И возвращайся.

Пожалуйста.

Я очень тебя жду...

Р. С. Завтра предстоит встреча с Благотворительным комитетом. Надеюсь на дружеские посиделки в компании почтенных и благорасположенных ко мне дам, но разумом понимаю, что вряд ли встреча пройдет гладко. Не ладится у меня как-то с дамами... но я тебе отпишусь.

Завтра сяду за новое письмо. Вдруг да получится без клякс?»

Я не посыпаю чернила песком, жду, пока сами высохнут. Несколько страниц, сложенных вместе. Упаковка из плотной бумаги. Бечевка и пятно алого сургуча.

Печать.

И несколько дней ожидания... от письма до письма.

Когда мне хочется плакать, я смотрю на огненного рыцаря. За это время мы научились разговаривать друг с другом без слов. Кот, выбравшись из-под кровати, запрыгивает на колени и трется о щеку. Утешает.

Надо бы Майло предупредить, чтобы посадил Лорда Мыш в кувшин с плотной крышкой, а то не доживет он до свадьбы.

Трактир «Три монеты» пользовался устойчивой репутацией заведения веселого, но в то же время солидного. Здесь не водились карманники, да и шлюхи отличались относительной порядочностью. Повариха была хорошей, прислуга – вежливой, и лишь рваные ноздри да клеймо на лбу вышибали несколько нарушали общую благодетность обстановки. И взгляд раннего посетителя, скользивший по скромному убранству зала, то и дело останавливался на лице.

– Не следует столь откровенно разглядывать его, мой лорд, – мягко посоветовал спутник. В отличие от товарища, чье происхождение выдавали не столько одежда, сколько осанка и пренебрежительный взгляд, второго человека отличала некая особая невзрачность. – Клейменных легко спровоцировать.

– Я сильнее этого отродья, – заметил лорд, все же отворачиваясь. И руку на меч положил. Впрочем, в таверне давно привыкли к прихотям гостей.

– Конечно, сильнее.

– Мне не нравится, как ты со мной разговариваешь.

– Простите, мой лорд.

Кивок, дающий понять, что прощение получено. Спутнику его оно было не нужно, как не нужен был сам этот разряженный и бесполезный человечешко, мнивший себя центром мира, но на самом деле не стоявший и медяка.

Все они только горазды орать о праве.

А люди равными рождаются, как пишут на тех желтых листочках. Впрочем, человек был слишком умен, чтобы связываться с опасными бумажками. О правах пусть высокородные думают, у него же своя работенка имеется.

– То есть вы согласны?

– Да.

Человек давно собирался сменить место жительства, иначе в жизни не согласился бы на подобную работу. Но к тому времени, как тело обнаружат, он будет далеко. А что станет с этим лордиком, уверенным в собственном уме и непогрешимости, его не интересовало.

Старый лэрд слыл большим затейником.

– Задаток.

Кто же бросает кошелек так открыто? Еще бы содержимое вывалил. Но нет, на это ума хватило.

– Там вдвое больше оговоренного...

Хорошо. Деньги в путешествии пригодятся.

– ...но вы поставите клеймо. Раб должен умереть рабом.

Все ж таки дурость людская неискоренима. И человек, взвесив полученный задаток – а сумму он назвал достойную заказа, – подумал, что убраться следует не только из города, но из протектората тоже.

К тому времени, как лордик окажется в пыточной, человек обретет новое лицо, имя и дом.

Глава 2

Обратная связь

Я думала, что без тебя умру... а нет... сижу, ем...
Опыт первой любви

Седьмой день кряду дождь. Мелкий, холодный, порой перемежающийся со снежной крупой. Воздух пропитался сыростью, и костры гасли даже под навесами. Еда остывала моментально.

Кайя уже и не помнил, когда в последний раз ел что-то по-настоящему горячее.
Дома.

Странно, но прежде он не воспринимал замок домом. Скорее уж местом, в котором он проводил некоторую часть времени. Иногда с удовольствием, чаще всего – без, но тем не менее особой привязанности к нему Кайя не испытывал.

Все изменилось.

К лучшему ли? Легче ведь было без этой обессиливающей тоски. Она то отпускала, отползая за край сознания, и тогда Кайя мог заниматься делами, то вдруг накатывала. И те же дела, на которых приходилось сосредотачиваться, становились спасением.

Берег размыло, и пехота Мюррея увязла в грязи.

Но и своим приходится туго. Ни поесть, ни согреться. Чем дальше, тем хуже.

Лихорадка. Понос. Рвота. Пьяные драки. И убийство шлюхи, которая пыталась обобрать невменяемого капрала. Иссякающие запасы ртути, нехватка докторов и растущее число сифилитиков.

Дезертирство.

Порченное зерно, которым успели отравиться лошади. И гнилое сено.

Выгребные ямы, что наполнялись водой едва ли не быстрее, чем выкапывались. И загаженные окрестные леса. Крепкая лагерная вонь. Вездесущие крысы.

Бароны, не способные договориться друг с другом.

Городские ворота, оскалившиеся шипами. Переговоры, которые выматывали нервы, доводя до края. Дирлетонцы то готовы сдаться, то вдруг меняют условия, точно надеясь оттянуть неизбежное. Зимы ждут? Не понимают, что Мюррей, не закрепившись на берегу, уйдет? А Кайя останется. И будет очень зол.

Он уже зол.

Хотя бы тем, что с потолка капает. Дожди пропитали наружный полог шатра, сделанный из толстых буйволовых шкур, а внутренний, из тонкой шерсти, давно не был преградой. Вода стекала по рубцам швов, наполняя ведра.

Бумаги отсырели, и перо оставляло глубокие раны на поверхности листа. Чернила растекались, но Кайя упрямо продолжал писать.

«...Здравствуй, сердце мое.

У нас снова дождь. Все серое. Холодное. Но никогда еще я так не радовался приближению зимы. Ты писала о снеге, но мы находимся южнее, и снег выпадет позже на неделю или две. Я хотел бы, чтобы все закончилось до того, но, боюсь, не выйдет.

Вчера опять вели переговоры.

Городской совет настаивает не только на полном прощении, но и на признании Дирлетона коронным городом, что совершенно невозможно. Я не могу оставить мятеж безнаказанным, поскольку это подает дурной пример. А они хотят, чтобы их еще и наградили за глупость...»

Кайя выдвинул встречные условия: штраф в двадцать тысяч золотых дукатов и прилюдное покаяние бургомистра, начальника городской стражи и гильдийных старейшин.

Обошлось бы без крови.

Но еще неделя под дождем, и Кайя, наплевав на все правила, просто выломает ворота.

«...Видел слонов. Мюррей все еще надеется переправить их через реку, хотя мне эта затея представляется совершенно безумной. Животные слишком массивны, чтобы использовать плоты, а ближайший мост разрушен. Вода же холодна, и я не уверен, способны ли они плавать.

Ты знаешь точно.

Ты мне так и не рассказала, чем бабочки от мотыльков отличаются.

Слоны же огромны. Как четыре лошади, друг на друга поставленные. Говорят, что их шкура столь толста, что стрелы отскакивают, а густая шерсть защитит и от копий. Но меж тем мне представляется нерациональным использование этих животных в качестве наступательной силы. Для переноски тяжестей – возможно. И даже тогда количество потребляемого ими корма значительно превышает то, которое требуется обыкновенным волам или мулам. Что же касается боевого применения, я согласен, что вид этого огромного животного внушает людям ужас, но и только.

Из того, что мне удалось узнать, слоны крайне неподатливы в управлении, и возница-махут вынужден постоянно спускаться с шеи к бивням, которые он цепляет особым крюком, перенаправляя движение животного. Ко всему молодые слоны пугливы, а порой впадают в состояние безумия, именуемого «муст». И тогда они крушат все и вся, что только видят на своем пути.

Мне пока не довелось видеть это животное в бою, но в некоторых трактатах указывается, что использует оно подвижный хобот и бивни. Их даже укрепляют специальными накладками с шипами. На спине слона сооружают особую башню, в которой сидят стрелки и копейщики. Они-то, пожалуй, и представляют реальную угрозу».

Капля, сорвавшись с нити, упала на лист, расплылась прозрачным пятном. Другая же нырнула за шиворот, опалив холодом.

О чем он пишет?

О слонах.

А в прошлый раз – об осадных башнях, которые велел строить, скорее для того, чтобы занять людей и подвигнуть дирлетонцев к размышлениям. И до того – о разнице между легкой и тяжелой кавалерией.

О построении пехоты.

Фуражирах.

Об организации лагеря... шатрах, навесах, патрулях... разновидностях лука. Усовершенствовании конструкции баллисты. Обо всем, что приходило в голову.

Разве интересно Изольде читать такое?

Но Кайя не знал, о чем еще рассказать. Точно не о грязи, которая хлупает под ногами. И не о пленке льда, что проявляется после полуночи, сковывая живое и неживое панцирем холода. А к утру исчезает. Не о вездесущих крысах, одна из которых обжила в его шатре и, отличаясь особой наглостью, крада его еду. Не о канавах для мертвецов – их было немного.

Мюррей пробовал силы, накатывал и отступал, медля с основным ударом. Складывалось ощущение, что он решил испытать нервы Кайя на прочность. И город, ошетилившийся было стрелами, вдруг подрастерял былую наглость. Первый штурм унес десятерых. Еще трое скончались от ран.

С тех пор число убитых выросло до полусотни.

Пятерых забрала лихорадка. Четверо отравились. Один утонул в выгребной яме, поскользнувшись на краю. Дюжину унесли пьяные драки.

Еще дюжина растворилась в окрестных лесах, справедливо решив, что жизнь войны дороже.

Троих пришлось повесить. Семерых – выпороть.

Два рыцаря стали жертвами собственной чести, не пережив дуэли. Еще один сверзился с коня и свернул шею. Правда, поскольку при жизни отличался крайне паскудным нравом, то о потере Кайя не сожалел.

Но ведь жене об этом не напишешь!

«...Также, если говорить об угрозе, то я согласен с Сержантом: нельзя убирать охрану. То, что покушений больше не было, безусловно, меня радует, однако не является поводом терять бдительность. До тех пор пока убийца не найден – а рано или поздно он себя обнаружит, – рядом с тобой каждую секунду должен находиться кто-то, кому я в достаточной мере доверяю.

Прости, сердце мое, если тебя это утомляет.

Что же касается ферм, то будь добра, передай как можно более полную информацию о том, что тебе удалось обнаружить, Магнусу. Я попрошу его держать тебя в курсе этого дела, хотя ты совершенно права: он полагает его чересчур грязным и опасным. Если все действительно так, как ты описала – а с «Золотым берегом» ты не ошиблась, и значит, скорее всего, права и в данном случае, – то ситуация крайне серьезна. Организовать подобное предприятие в одиночку невозможно, следовательно, будут затронуты интересы некой группы людей...»

Письма переправляют подопечные Магнуса. Им можно доверять, но насколько безопасен сам путь? Гонцов пока перехватить не пытались.

Из страха?

Или просто не думали, что в письмах этих может быть что-то серьезное? Изольде хватит ума не распространяться о своих изысканиях.

«...Сердце мое, я не пытаюсь умалить твои достижения, но лишь хочу защитить тебя. Если кому-то станет известна твоя роль в данном деле или хотя бы факт участия в нем, то я не берусь предсказать последствия. Ненависть людей, потерявших многое, – а я предвижу, что дело будет громким, – беспредельна. Поэтому прошу тебя: осторожнее.

В пределах замка и города ты – полновластная хозяйка. И сенешаль обязан выдать тебе все бумаги, которые ты только пожелаешь видеть. Констебль – исполнить любой самый безумный твой приказ. Но все, что касается дел протектората, должно проходить через Магнуса или Урфина.

Похоже, я действительно слишком многое спускал на доверии, чего больше не будет. Спасибо, что ты помогаешь мне и, надеюсь, будешь помогать впредь, поскольку самому мне легче воевать с людьми, чем с цифрами. Однако воздержись пока предпринимать что-либо. Я вернусь и сам спрошу, как вышло так, что люди, принесшие присягу моей семье, ее же обворовывали. Нужны будут лишь явные и однозначные свидетельства вины, которые исчезнут, если ты начнешь задавать вопросы сама.

Меня печалит то, что ты, похоже, слишком много времени уделяешь вещам утомительным и неприятным. Магнус писал мне о казни. Он был категорически против твоего на ней присутствия, но ты переупрямила дядю, что редко кому удавалось. Мне жаль, что тебе все-таки пришлось увидеть нечто подобное, и если увиденное все-таки сказалось на тебе, если появится дурнота, или плохие сны, или еще что-либо, пожалуйста, не молчи.

Я хотел бы быть рядом с тобой. Тогда, сейчас и каждую минуту.

Ты пишешь, что ревнуешь. И я понимаю это чувство, которое прежде было незнакомо. Иногда я начинаю думать о замке, о людях, тебя окружающих, о том, сколь много среди них мужчин. Что ты красива. И одинока. И несмотря на то, что считаешь себя взрослой, наивна. А нравы в замке – скрепя сердце вынужден признать и это – весьма вольные.

Вот, получилось, что я тебя подозреваю в неверности.

Это совершенно не так!

Я верю тебе, но ревность сводит меня с ума. Вчера едва не ударил одного барона, который стал хвастаться тем, как соблазнил жену вассала. Это был грязный и подлый поступок, но прежде я относился к подобным историям куда как спокойней, полагая их вымыслом.

Они так и не поняли, что меня разозлило.

Да я и сам не понимаю. Едва не вспыхнул из-за пустяка. Отчего-то мне кажется, что испытываемое мной состояние вполне подходит под определение «муста».

Сегодня встретился с Эдвардом. Рука у него по-прежнему крепкая, но булава – не самый удобный вид оружия, хотя щит искрошила в щепу. Наша стычка длилась всего несколько секунд, но мне показалось, что Эдвард рад меня видеть. Возможно, если бы нам удалось договориться о поединке за спорные территории, вся эта возня завершилась бы быстрее. Но правила диктуют мне обороняться, а Эдвард не шлет переговорщиков. Выходит, что даже среди них, пусть бы и тех, кто был знаком со мной прежде, я все равно чужак. Они признают за мной право держать эти земли, но самого лишь терпят, не имея возможности заменить кем-то другим.

Чудо, что у меня есть ты.

Подумалось, что строки о поединке ты истолкуешь превратно. Не волнуйся, сердце мое, Мюррей не собирается убивать меня, как и я его. Это запрещено, да и выходит за пределы наших возможностей. Скорее, мы определили бы плотность поля и вектора его распределения, на основании чего и была бы – или не была бы – перенесена граница. К сожалению, я не знаю, как это можно объяснить нормальным языком. Все еще не хватает информации.

Но я сильнее. Я чувствую это.

Значит, прямой стычки Мюррей будет избегать. И опять же все затянется до первых морозов...»

Издалека, возможно, что с другого берега реки, донесся рокот грома. И ветер пробрался-таки сквозь слои ткани, покачнув лампу. Из груды сырых мехов, сваленных на лежак, выползла крыса. Она забралась на самую вершину волглой ветоши и уселась, вперив в Кайя красные глазенки.

– О тебе я тоже писать не стану, – сказал Кайя крысе, но та не шелохнулась. – А о чем стану?

Крыса не спешила советовать.

«...Что же касается свадьбы представленного тобою Лорда Мыш, который видится мне существом в высшей мере ответственным и способным содержать семью, то проследи, чтобы данная церемония прошла с должным размахом. Возможно, в весьма скором времени тебе предстоит организовать другую свадьбу.

Кстати, Урфин все-таки сообразовал переслать мне договор о намерениях, который я отправлю с этим письмом. Пожалуйста, ознакомься. И если тебя устраивают предложенные им условия – они соответствуют устному соглашению, достигнутому перед отъездом, – поставь свою подпись. И с этой минуты ты перестанешь нести ответственность за Тиссу. Она и ее репутация – всецело забота ее будущего супруга.

Но ты все равно присматривай. Урфин, что бы я ни говорил, надежен, но порой из самых лучших побуждений делает вещи, о которых потом жалеет. А поскольку впервые дело касается не моих, но его интересов, я опасаюсь, что он вынужден будет столкнуться с последствиями собственных поступков. Это – болезненный опыт, которого я хотел бы избежать для него.

Возможно, ты была права, когда говорила, что я слишком надавил на девочку. Но ты, дядя и Урфин – вся моя семья. Я хотел бы, чтобы ее стало больше. И чтобы вы были счастливы. Наверное, порой я тоже из самых лучших побуждений делаю вещи, о которых потом сожалею. Однако в этом случае обратного пути нет. И я лишь надеюсь, что Урфину хватит терпения.

Дети ведь растут. Взрослеют. Главное, чтобы, взрослея, не теряли душу.

Ну вот, меня потянуло на отвлеченные размышления, и это верный признак, что мне нечего рассказать, однако я не желаю завершать письмо. Каждое как расставание. На время, но все же болезненное, ведь, дописав, я останусь один...»

Кайя покосился на крысу, которая нагло разлеглась поверх его одеяла. Нет, все-таки один. Крыса в постели – это не компрометирующие обстоятельства.

А дождь усилился. Шелестели капли, пытаюсь напоить пропитавшуюся водой кожу. Бежали по швам и ныряли в переполненное ведро. Размокший хлеб покрылся сизой плесенью, но лучше такой, чем выбираться наружу и искать свежий.

Гонец ждет.

Он отдохнул, и лошадь свежа. Завтра... послезавтра... сшивая лигу с лигой, соединяя замок и проклятую пустоту границы.

«...Хотел бы обнять и поцеловать тебя, но, не имея возможности, тешу себя надеждой увидеть во сне.

Иза, дамы из Благотворительного комитета – не самые милые существа на свете. Честно говоря, я сам их несколько побаиваюсь, уж больно агрессивно они творят добро. Поэтому не смей печалиться, если что-то пойдет не так. На моей памяти с ними даже Кормак не сумел общего языка найти, хоть бы и глава комитета приходится ему родной сестрой.

Также отправляю тебе несколько новых набросков. Слон, по-моему, получился похоже. А вот Эдварда рисовал по памяти. Сейчас почему-то он выглядит не таким внушительным.

До встречи, сердце мое».

Свернуть. Перевязать. Запечатать. Спрятать в кожаную тубу, которая сохранит листы от влажности. Передать человеку, который дремлет над костром в ожидании.

– За службу. – Кайя протянул двойной дукат, но человек помотал головой и продемонстрировал серебряную тамгу. Ему платят исправно.

И брать больше он не станет.

– Тогда спасибо.

Кивок. Свист. Серая лошадка с толстыми ногами появляется из дождливой мути и в ней же исчезает, унося всадника. Влажно хлюпают копыта по грязи.

И звук тоже смывается дождем.

Тоска накатывает с новой силой. Непрошенная мысль лезет в голову: а если расставание это – навсегда? От внезапной боли темнеет в глазах. Алую волну едва-едва получается свернуть до всплеска. И Кайя заставляет себя выдохнуть. Вдохнуть и снова медленно, отсчитывая секунды, выдохнуть.

А крыса, единственная, на ком можно было бы злость сорвать, исчезла. Благоразумное животное.

В доходном доме Матушки Фло всегда было весело, шумно и людно. Расположенный на пересечении трех улиц, одна из которых выводила к кварталу Лудильщиков, а две другие вели к пристаням, он был удобен для многих людей.

Сюда заглядывали сводни, желавшие сбыть свежий товар. Контрабандисты. Ростовщики. Скупщики краденого. Воры. Игроки. Вольные капитаны. Наемники. И просто те, кто готов был рискнуть, ввязавшись в мероприятие незаконное, но сулящее выгоду.

Здесь не принято было разглядывать друг друга, но чумазый мальчишка разбойного вида презрел обычай. На человека в потертой кожанке он пялился секунд тридцать, словно прицениваясь.

– Чего? – спросил человек, засовывая пальцы под шейный платок, верно, завязанный чересчур туго.

– Ты бушь кптан, ктрый рботу ищет? И готов с блрой кстью свзаться?

– Я буду.

Мальчишка кивнул, не сводя настороженного взгляда, точно подмечая каждую деталь: и мятую рубаху с потемневшим кружевом, некогда нарядную, но заношенную, и сапоги хорошие, и нож на широком поясе с бляхами. И даже пустой кубок, который залетный капитан не спешил наполнить.

Но монету – правила знает – кинул.

Поймав медяк на лету, мальчишка отправил его за щеку и вытащил обслюнявленный кусок ткани.

– Пслзавтра.

Он исчез, спеша исполнить другое поручение, за которым последует третье и четвертое... Урфин же развернул замусоленный клочок. Три корявых знака.

Две цифры.

И круг с рыбой.

Место. Время и слово для встречи. Свои прочтут. Чужие... о чужих здесь не беспокоились.

– Эй, лапочка... – Шею обвили мягкие руки, длинный локон скользнул по шее. – О чем печаль имеешь? Пойдем-ка наверх... развеселю.

Шлюха была уже не молоденькой, но еще симпатичной.

Сколько ей? Восемнадцать? Девятнадцать? Еще месяц-другой, и мамочка выгонит ее из теплой таверны на улицу, высвобождая место для других, посвежее, помоложе. Тошно...

– На, – Урфин вложил в ладошку серебряный талер, – купи себе что-нибудь.

– Добрый, значит?

– Какой есть.

– Идем. – Шлюха талер сунула в волосы и, впившись неожиданно крепкими пальцами в руку, потянула за собой. – Идем, идем... надо.

Стоило подняться, как девица повисла на шее и горячими губами в ухо уткнулась, зашептала:

– Мамочка на тебя глядит. Сидишь тут третий день... а на девок ни глазиком даже...

Непростительная ошибка, которая могла дорого стоить. И Урфин подхватил девицу на руки. Та взвизгнула и замотала ногами, вроде как отбиваясь, но лишь крепче вцепляясь в шею. Комнатушка свободная отыскалась на втором этаже. И дверь была с запором. Кровать, на которую Урфин девицу бросил, протяжно заскрипела.

– Может... – Шлюха похлопала рядом с собой и ноги расставила пошире.

– Спасибо, но воздержусь.

– Что так?

– Жениться хочу.

Она хмыкнула и, вытащив монету из тайника, прикусила.

– И вправду серебро... Меня Мия звать. Или по-другому, как захочешь... женитьба еще никому не мешала.

– У невесты отец строгий. Очень рассердится, если я ей отсюда подарок привезу. – Урфин сел на пол, который с виду был почище кровати. – С чего вдруг помогать взялась?

Мия подпрыгнула пару раз на кровати и застонала. Взгляд у нее был хитрющий...

– А мамочка меня продать хочет. Я ее любимке не по нраву пришлась. Дуры обе.

– Куда продать?

– То ты не знаешь. На ферму.

– Хочешь, уведу отсюда?

Это было бы неправильно. Подозрительно. И опасно. Но оставить девчонку работорговцам – подлю.

– Не-а... я не боюсь. – Она вытянулась на кровати и руки за голову заложила. – Небось не хуже, чем тут будет... рожать? Все бабы рожают.

– Рабов.

– А хоть бы и так... ты чужой. Оттуда. – Она указала на потолок. – Думаешь, что раз рабы, так плохо. Там меня кормить станут. Бить никто не будет. А детей в канаву не понесут топить. Вырастят. И выучат, как благородных... и продадут в хороший дом. Небось люди не дураки, чтоб потраченные деньги портить. Будут мои детки жить в тепле и сытости...

– Рабами.

– Ага. Про свободу думать хорошо, когда в животе с голодухи не бурчит.

То, что она говорила, было неправильно. Настолько неправильно, что Урфин растерялся.

– А с тобой что будет, подумала?

Сколько она родит? Пятерых? Шестерых? Десятку? Потом, если не помрет во время очередных родов, станет нянечкой при младенцах... а как не сможет справляться, так и на кладбище.

– А тут со мной что будет? – отозвалась Мия.

И это тоже было правдой. Какое из двух зол следовало считать меньшим?

Урфин не знал.

Вычищать надо оба. Вот только хватит ли сил?

Глава 3

Корпорация добра

Мы в ответе за то добро, которое мы творим, следовательно, как никогда актуален тщательнейший контроль его качества...
Из ежегодной речи председателя Благотворительного комитета, вдовствующей мормэрессы леди Джиневры Арчибальд Флоттэн

Наша светлость нервничала.

До встречи оставалось четверть часа... очень долгая четверть часа... я уже трижды успела пройти вдоль стены, доказывая рыцарю с витража – мой бедный собеседник, сколько всего ему приходилось выслушивать, – что готова встретиться с почтеннейшими дамами.

И вообще зря их опасаюсь.

Это же леди.

Благотворительницы.

Им полагается быть добрыми, отзывчивыми и вообще...

Рыцарь слушал скептически. Сейчас, в приближающемся полдне, солнце расплавilo и смешило краски витража так, что фигура выглядела как никогда зыбкой.

– ...и если рассуждать здраво, то я в этом мире – не последний человек. Моя поддержка что-то да значит. И на самом деле глупо нервничать! В крайнем случае...

Действительно, а что будет в крайнем случае? Перед носом нашей светлости дверь захлопнут? Не камнями же побьют в самом-то деле. Вернусь к себе. Пореву, наконец, от души по причине конкретной. Разобью чего-нибудь и успокоюсь.

Перспектива, конечно, не самая вдохновляющая, но какая уж есть. Тем более что напросилась я сама. Даже не напросилась – поставила почтенных дам в известность о своем грядущем визите. Ну надоело мне ждать, когда меня на эти заседания пригласить решатся!

Мир требует добра.

А у нашей светлости как раз свободное время имеется.

И группа поддержки.

Ингрид выглядела спокойной, а вот Тисса явно переживала, хотя, по-моему, в последний месяц это было нормальное ее состояние. Она осунулась, побледнела и обзавелась милой привычкой прикусывать губу, словно запирая в себе то, что хотелось сказать.

– Ваша светлость, – мое предложение обращаться по имени Тисса упорно игнорировала, предпочитая держать дистанцию, – выглядят подобающим образом.

Она была вежливой и милой, как механическая кукла, которую настоятельно выдавали за живую. И не могу сказать, что я поняла, в какой момент случилось это превращение. Надо что-то делать, но что?

Для начала поговорить с ней наедине, только момент бы выбрать подходящий...

– Иза, – Ингрид поднялась и расправила юбки, – главное, не принимай близко к сердцу.

– Что не принимать?

Сержант, к чьему постоянному молчаливому присутствию я уже привыкла, занял позицию за левым плечом нашей светлости.

– Ничего не принимай.

Заседал Благотворительный комитет в Бирюзовой гостиной. И бирюзы, надо сказать, на инкрустацию мебели ушло изрядно. Особенно хорош был стол овальной формы с гнутыми ножками и кружевной столешницей. Во главе его восседала председатель комитета, почтеннейшая мормэресса Джиневра Арчибальд Флоттэн.

Разменяв полсотни лет, леди Флоттэн не утратила былой красоты, скорее уж изменила ее согласно представлениям о приличиях. Ее лицо морщины украшали, как трещины украшают благородный мрамор. Рыжий парик подчеркивал белизну кожи. Платье было строгого покроя, приличествующего вдове темно-зеленого цвета. Украшения – из агата. И лишь желтый алмаз выбивался из мрачного ряда.

Меньше всего леди Флоттэн походила на добрую фею.

Да и остальные тоже...

Дамы пили чай и беседовали. Мило. Вполголоса. Пили и беседовали... тонкий фарфор в нежных пальцах. Блюдца. Чашки. Сливки... сахар... Высокий чайник в руках лакея.

Крохотные пирожные на серебряной горке.

И полнейшее безразличие к происходящему вовне.

– ...безусловно, это имеет смысл, однако необходимо рассмотреть рекомендации. Мы должны быть уверены, что, предоставляя этой женщине помощь, мы поддерживаем ее, а не подталкиваем к губительному безделью...

Леди передавали друг другу розовые бумажки с виньетками. Кивали головами – и щедро напудренные парики соприкасались беззвучно, – изредка вздыхали.

– Как это печально...

– ...весьма печально... я бы сказала, что недопустимо... мы должны сочинить петицию против...

А я стояла, ощущая себя совершенно лишней на этом празднике мирового добра.

– ...или вот здесь. У нее трое детей. И муж погиб...

Я тихонько постучала о каминную полку.

– ...но следует заметить, что сыну уже двенадцать. Этого достаточно, чтобы пойти работать. А двое вполне в состоянии прокормить...

Нас не замечают? Что ж, придется заявить о своем присутствии.

– Добрый день, дамы, – сказала я и реверанс сделала.

Ингрид утверждает, что сейчас мои реверансы действительно похожи на реверансы, а не на внезапный приступ подагры.

Обрыв разговора. Ледяные взгляды. И приподнятая бровь в молчаливом вопросе: какого такого лешего нашей светлости в сих краях понадобилось и не найдется ли у нее по счастливой случайности дел иных, неотложных где-нибудь в другом крыле замка?

– Я... то есть мы, – не следует забывать об Ингрид и Тиссе, – пришли, чтобы принять участие в работе Благотворительного комитета.

Выделите нам по стульчику, чашке и розовых бумажек с виньетками тоже дайте. Полагаю, в них вся суть, а не в профитролях. Впрочем, от последних наша светлость тоже отказываться не станет.

Молчание длилось и длилось...

– Мы рассмотрели вашу просьбу. – Леди Флоттэн обладала глубоким контральто.

Просьба? Я ни о чем их не просила.

– И сочли невозможным удовлетворить ее...

– Могу я узнать, по какой причине? – Спокойно, Иза, кричать нельзя. Улыбайся. Держи лицо. Если у Тиссы получается, то и у тебя выйдет.

– Благотворительный комитет – организация, от которой зависит благополучие многих людей. И, как вы сами понимаете, наша репутация должна быть безупречна...

Допустим, я понимаю.

– ...а вы – угроза для нее. Для всех нас.

– Почему?

Леди Флоттэн соизволила подняться. Что-то знакомое привиделось мне в ее движениях. Эта манера держать спину и поворот головы...

– Потому что особа вроде вас, безусловно, имеет некоторую власть над мужчинами. Они слабы. Безвольны во всем, что касается их желаний.

И этот тон знаком до боли. А уж выражения-то...

– Но женщины – иное дело. Вам здесь не рады и никогда рады не будут.

Это я уже поняла. Осознала, так сказать, всем своим испорченным естеством.

– Вас терпят. Из жалости. И это жалость не к вам, а к вашему несчастному супругу, который, мы надеемся, все-таки прозреет.

И ушлет меня за край мира во имя всеобщего счастья и благоденствия? Не дождутся. А если ушлет, то я вернусь, хотя бы для того, чтобы высказать ему все, что думаю.

– Само ваше присутствие... – она приложила к носу кружевной платок траурного черного цвета, словно от меня воняло, – ...действует разрушительно... и мне искренне жаль загубленную душу.

Это у Кайя, что ли? Или я еще кого-то успела толкнуть на путь порока? Если так, то я нечаянно.

– Взять хотя бы эту юную леди...

Тиссу?

Тисса выдержала взгляд леди Флоттэн, преисполненный праведного гнева. Этой вдовушке да в инквизицию бы...

– ...которая вела себя столь неосмотрительно, что дала повод мужчине прилюдно выразить свой к ней интерес в нарушение всяческих приличий...

– Знаете, – я поняла, что еще немного и сделаю что-то, о чем буду жалеть, – в моем мире говорят, что старые ханжи получают из тех, кто в молодости не слишком-то задумывался над вопросами морали...

– Что вы себе позволяете?

– Все что угодно. Особы, вроде меня, они такие. Непредсказуемые. И мало ли, что им в голову взбредет...

Пора прикусить язык. Я ведь не собиралась им угрожать. И надо бы уйти, пока я не наговорила больше, чем нужно. Действительно, что я могу им сделать?

Выставить из замка?

О да, наша светлость – воплощенное зло, изгоняющее бедных пожилых леди, которые радеют об общественном благе, прямо с утра просыпаются и радеть начинают... нет, они в безопасности и прекрасно это понимают. По глазам вижу.

Уходила я без реверансов. Обойдутся.

И за дверь взяла Тиссу за руку. О боги, у этого ребенка ладони ледяные, на ногтях – кайма лиловая, характерная такая, а пульс просто бешеный.

Она сейчас рухнет.

Сержант, коснувшись плеча, указал на низенький диванчик. По-моему, выражение его лица можно было истолковать как сочувствующее. Хотя кому он сочувствовал: мне или Тиссе – непонятно.

Возможно, обоим.

– Садись. – Я надеялась, что не кричу.

Тисса послушно села, не сводя взгляда с запертой двери, точно ожидая, что леди Флоттэн выскочит специально ради того, чтобы высказать Тиссе все, что еще не было высказано.

– Она – озлобленная старуха.

– Именно, – подтвердила Ингрид, до сего момента умудрявшаяся казаться невидимой. Надо бы перенять это полезное умение.

И нюхательная соль как нельзя кстати.

– Нет. Она правильно сказала. Я... я дала повод. И сама во всем виновата.

И губы синеют.

– Так, дыши.

Потом будем нянчиться. Сейчас ее вытащить надо.

– Вдох, считай до десяти, и выдох. Слышишь?

Кивок.

– Вдох! Вот так... выдох. Умница. Еще дыши... правильно все.

Она постепенно успокаивалась и в какой-то момент даже улыбнулась, робко, извиняясь за то, что заставила нас волноваться. Похоже, нельзя затягивать с разговором.

В городе ощущалась близость зимы. Юго вдыхал сырой воздух, наслаждаясь оттенками его вкуса. Отсыревший камень. И дерево. Черная смола, которую привозили в бочках, укрывая их прошлогодним сеном. Алхимики сварят потом кожные зелья, смрадные, едкие. Для этих зелий уже делают кувшинчики с широким горлом, примешивая к красной глине ассурский песок...

На пристани выгружали свежую ворвань в толстых лоснящихся бочках. В старых – варенец, а в новых, помеченных красными крестами, – сыроток². Этот уйдет дороже, глядишь, прямо с пристани. И вонь ворвани перебивала запах рыбьей требухи, которую вычищали из трюмов, полугнилую, мешанную с крысами и остатками хребтов. По воде плыли масляные пятна. И старый шкипер дымил, табаком заглушая горький привкус в легких.

Юго почти дошел до точки – уже виднелись впереди низкие здания складов с разноцветными, многожды латанными крышами, – когда раздалась переливчатая трель.

Шлюхи нырнули в тень.

Матросы ускорили бег, и бочки с грохотом полетели с настила. Шкипер переложил трубку с левого угла губ в правый. А на пристани появились синие плащи.

Юго едва успел убраться с пути.

Редкая цепь, но плащи – это не городская стража. Двигутся неспешно, расслабленны, даже ленивы, только впечатление это обманчиво. Лучше не пробовать сбежать. И Юго замирает, сутулясь.

Если охота за ним...

Невозможно. Он вел себя тихо.

Настолько тихо, насколько сил хватало. И недоучка должен был бы расслабиться... не успокоиться – он вовсе не глуп, но расслабиться. Немного.

Оцепление прошло мимо Юго, не удостоив и взглядом. Значит, все-таки склады... типография. Плохо. Уже пятая за прошедший месяц. И с каждым разом новую искать становилось все трудней. Деньги ничто, когда на кону голова.

В другой раз Юго ушел бы – ему не было дела ни до типографии, ни до хозяина ее, которому грозила незабываемая ночь в подземельях замка, ни до прочих глупцов... но имелось одно нехорошее обстоятельство. К счастью, Юго знал, куда направиться.

Пристани – хорошее место для крыс и тех, кто желает остаться незамеченным.

Гудо, прозванный Шепелявым по причине отсутствия некоторых зубов, из-за чего речь его сделалась неразборчивой, не стал ждать, когда Синие выломают дверь.

Лишь только услышав тревожный свисток – не зря, ох не зря Гудо приплачивал местным шлюхам за пригляд, – он подхватил куртку и бодрой рысью кинулся в комнатуху.

Нет, конечно, жаль было бросать все... Станки, почитай, новые. Рамки необкатанные. Шрифты в двойном наборе. И даже пуансоны, с которых уже сам Гудо мог бы шрифт отливать, какой надобно. Не говоря уже о таких мелочах, как запас краски, бумага и те самые листовки, перевязанные и готовые к отправке. Пасквиль, конечно, но... золотой в прямом смысле слово.

---

² Сыроток и варенец – разновидности ворвани, жира, добываемого из морских млекопитающих.

Лично Гудо ничего не имел против их светлости, которую в глаза не видел. Но бизнес – это бизнес. И если кто-то там в Верхнем замке готов вывалить талер за листовку, то Гудо будет их продавать.

Он выбил доску в полу и выгреб мешочки с золотом. Не так много, как рассчитывал... найти бы ту тварь, которая сдала его. А что сдали, тут Гудо не сомневался: место он сам выбрал, тихое, спокойное, накатанное. И вот тебе, недели не прошло, как выследили, собаки...

Ничего. Гудо матерый.

И с их сиятельством снова никак встречаться не желает. А потому уйдет, не прощаясь.

Он открыл шкаф и, забравшись внутрь, надавил на неприметный рычажок. Задняя стенка раскололась пополам. Гудо пинком расширил щель и оказался в узком проходе. Через пару шагов тот сузился еще больше. Пришлось на четвереньки встать. Ничего, Гудо не гордый и не брезгливый. Крысы сами разбегались, а про то, что хлупает под его руками, Гудо старался не думать. Главное – золотишко при нем. А есть золотишко и жизнь будет...

Выход был завален мусором, и Гудо пришлось выкапываться наружу. Человек, подждавший его, не спешил помочь.

– Рад, что ты сбежал, – сказал он, глядя, как Гудо отряхивается от очистков, гнилых веревок и чего-то еще, волокнистого, осклизлого.

Гудо ответил матом. Говорил он искренне, от души, избавляясь от пережитого страха. И замолчал, когда рот вдруг наполнился кислой слюной. А в брюхе закололо... так сильно закололо, что прям невыносимо. Гудо схватился больное место прикрыть, но оказалось, что в боку у него стальное перо торчит.

– Ты... – хотел сказать, но слюны стало слишком много. И она полилась из горла, мешаясь со рвотой и кровью. Ноги подкосились.

– Рад, – повторил человек, ногой переворачивая Гудо на спину, – что ты выбрался.

Он раздвинул немеющие губы и затолкал в рот что-то твердое, круглое...

Десятью минутами позже из лаза появится другой человек. Он выползет и, наткнувшись на тело, выругается: мертвец – не то, чего их сиятельство ожидают.

Впрочем, пенять за медлительность тан не станет. Он пройдет по типографии, касаясь машин, перебирая литеры в ячейках шрифтов. И листовки, лежащие на отдельном столе в связках по дюжине, вниманием не обойдет.

– Хотя бы новое что придумали. – Тан почешет подбородок и наконец обратит внимание на мертвеца. – Ну что, Гудо, свиделись? А я ж тебя, паскуду, предупреждал, что в следующий раз зубами не отделаешься.

Тан обернет руку батистовым платком и сунет в рот мертвецу. Вытащив золотой талер, поднесет его к свету. Монета будет самой обыкновенной, ничем не отличающейся от тех, которые найдут в поясе Гудо. И ни у кого не возникнет желания пояс этот присвоить.

Во всяком случае сейчас, когда их сиятельство видели.

Позже в типографии – оцепление снимут, а тело унесут, но нюх портовых крыс любого размера подскажет им держаться подальше от складов – появится еще один человек, которого если кто и знал, то в жизни в знакомстве этом не сознан бы.

– Мальчик мой, лучше б ты выспался разок, – скажет он, стягивая перчатки из белой лайки. – Это отребье и другие погонять могут.

– Потом. Смотри, что получается.

Урфин сцепил пальцы за головой и потянулся, пытаясь подавить зевоту. Спать ему и вправду хотелось, но он уже привык к этому желанию. Сперва дело. Сон – позже.

Когда-нибудь.

Например, после завтрашней встречи, которая кое-что да прояснит по рабским фермам. Но о завтрашней встрече он подумает завтра. Сейчас следовало разобраться с типографией.

– Во-первых, Гудо закололи и в пасть монету сунули. И значит, он был знаком или с Тенью, или с кем-то, ему близким. Во-вторых, посмотри. Здесь почти все новое. Этому сквалыге не просто хорошо платили. Ему тут все обустроили... И я вот подумал, к чему добру пропадать?

Магнус прищурился и взмахом руки велел продолжить.

– Гудо – мелкая мразь. Он никогда не занимался печатью. И значит, их прижало почти в край. Настолько, что они стали искать любого, кто возьмется... Может, пусть найдут? Не мы их, а они нас.

– Что ж, – Магнус прочел верхнюю листовку и скривился, – есть у меня подходящий человек...

Склад вспыхнул ночью. Хорошо горел. Ярко.

Ничто не вызывает такого прилива энергии, как вожжа, попавшая под хвост.

Нас не пускают в высокоморальную песочницу? Ничего. Построим собственную. Будем конкурировать.

Совет держали в гостиной при апартаментах нашей светлости. Что характерно, тоже зачаем.

И профитролями.

А вот розовых листочков с виньетками не нашлось. Чувствую себя ущемленной в правах, но, похоже, только я. Тисса сидит на полу – при здешней манере укрывать полы толстенными коврами простудиться она не простудится, а Ингрид ей волосы расчесывает. Волосы, к слову, у девочки красивые. Длинные, густые, невероятного пепельного оттенка – до сих пор я думала, что добиться подобного можно лишь искусственным путем. Правда, Тисса волосы прятала, заплетая в косы, а косы укладывая вокруг головы короной. И пепельный превращался в серый, скучный.

Она вообще предпочитала быть незаметной, и с каждым днем у нее получалось все лучше.

– Ингрид, как вообще они работают? – Я наконец села. Все-таки дурные привычки заразительны, и надо бы избавляться от этой манеры метаться по комнате, загоняя мысли в голову. Может, и удобно, но при моих полутора метрах выгляжу я смешно.

Ингрид отложила расческу. Разделяя пепельную волну на пряди, она ловко сплетала их, закрепляя крохотными цветами из золотой проволоки.

Тисса сидела неподвижно.

Надеюсь, она не решит, что Ингрид проявляет излишний к ней интерес. Моя старшая фрейлина по-прежнему верна старой своей подруге.

– Жители города подают прошения. Гильдийным старейшинам или же смотрящим квартала. Могут и лично. Раз в месяц Благотворительный комитет устраивает день открытых дверей, когда принимают прошения от всех желающих. Бумаги рассматриваются. И прошение удовлетворяется или не удовлетворяется.

В принципе все довольно просто и логично, нашу светлость это устраивает всецело.

Осталось уточнить кое-какие детали.

– И много они отсеивают?

– Почти всех. – Ингрид отступила, любясь делом рук своих. Тонкая сеть удерживала пепельную волну, в которой мерцали золотые звезды. Подав зеркало, Ингрид сказала: – Посмотри. Так тебе идет куда больше. Им важно оказать помощь достойному. А достойных мало.

Тисса смотрела на свое отражение с удивлением, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, словно проверяя, действительно ли та, которая в зеркале, – она.

– Ингрид, сколько в городе людей? – Я испытывала нечто сродни зависти. У меня такая грива если и отрастет, то очень и очень нескоро.

– Много. Около трехсот тысяч.

По здешним меркам действительно много.

– А сколько бедняков?

Молчание. Пожатие плечами. И пауза.

– То есть не считали?

– Это город, Иза. Здесь все сложно. Люди приходят. И уходят. Гильдии заботятся о своих. Или вот смотрители кварталов. Им выделяют деньги...

...которые, полагаю, если и уходят по назначению, то в куда меньших суммах, чем заявляется.

– ...на эти деньги строят дома и покупают зерно. И любой, кто прожил в городе больше пяти лет, может просить о помощи. Но порой бывает, что люди врут... часто врут.

– Мой отец знал всех арендаторов. – Тисса не без сожаления отложила зеркало. – И было понятно, кому надо помогать, а кому – нет. Когда сторел дом Фарлендейлов, он дал пять серебряных талеров на отстройку, разрешил невозбранно лес брать. А вот когда у Стингисона овцы померли и тот пришел денег просить, то выпороть велел. Потому что Стингисон пил много, а за отарой не смотрел и, значит, сам был виноват.

– Именно поэтому, – подхватила Ингрид, – Благотворительный совет требует от просителя рекомендации, заверенные или в гильдии, или у квартального смотрителя. Это гарантирует право на помощь...

...но лишь для тех, кому подпишут бумаги. А ведь подписывают далеко не всем. Это же такой удобный инструмент для шантажа и сведения мелких счетов. Его надо менять, но как? Рассматривать прошения без рекомендаций? Сколько их будет? Не сотни – тысячи. Выслушивать людей, пытаюсь понять, кому именно нужна помощь, а кто притворяется обиженным? Я верю всем.

Но сомневаюсь, что на всех хватит денег.

Даже у местной казны имеется предел.

Надо думать над системой, но я не умею!

Ладно, начнем с малого.

– Ингрид, а мы можем достать те прошения, которые Благотворительный комитет не счел нужным удовлетворить?

– Ну... – Она задумалась, хотя думала недолго. – Пожалуй, я знаю, к кому обратиться.

Пока нет своей системы, попаразитируем на чужой. И совесть нашу светлость, что характерно, не заест.

– Нет, милая, не надо глядеть под ноги. Ты же не служанка... – Ингрид критически осмотрела наряд Тиссы. – Иза, вы ведь одного роста? Я думаю, что то твое синее платье... оттенок для тебя неудачный, а ей будет вполне к лицу.

– Я не могу!

– Можешь. – Тут я возражений не потерплю. Надо же нашей светлости хоть кем-то сегодня покомандовать. И вообще, почему мы раньше до этого не додумались?

Платье Тиссе почти впору.

Но до чего же она худая! И сейчас худоба особенно заметна.

– Тисса, – я отчетливо понимаю, что с возрастом ошиблась, – сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – отвечает она, слегка краснея. – Будет. Через неделю.

Ну, Урфин, педофил несчастный... и пусть только попробует соврать, что не знал. И Кайя тоже получит. За соучастие.

– Иза, – Ингрид помогает выровнять швы на рукавах, – по меркам нашего мира она уже взрослая.

Про мерки этого мира я уже слышана. Спасибо.

– Дай-ка это сюда, милая. – Сняв с руки цепочку, Ингрид надела ее Тиссе на шею. – Если тебя уже записали в ряды падших женщин, то хотя бы получай от этого удовольствие.

Глава 4

Чужие долги

Не хотите наступать на одни и те же грабли? У нас богатый выбор!

Рекламная вывеска над лавкой, где представлены новинки сельскохозяйственного инструмента

Письмо на сей раз обнаружилось в книге.

Листок надушенной бумаги, сложенный хитрым образом, вызвал подспудный страх, и Тисса не могла бы сказать, когда и почему этот страх появился.

Не было для него причин...

Письма – это лишь слова. Она ведь сама мечтала, чтобы с ней говорили о любви и чтобы сердце трепетало, а в груди рождалось томление, которому положено было рождаться в подобных случаях.

Но не страх же!

Просто Тисса опять все неверно истолковала. Ее вовсе не преследуют, а...

...а просто пишут письма.

Каждый день. Иногда и чаще.

Оставляют письма среди ее вещей, и леди Льялл не видит в том дурного. Всего-навсего игра. Придворная. Из тех, которыми увлечены все леди, ведь не думает же Тисса, что леди куда более благородного происхождения, нежели она, способны на опрометчивый поступок?

Да и есть ли зло в словах?

Нет.

Но слова почему-то становятся злыми. И Тисса знает, что, как бы она ни хотела спрятаться от них, у нее не выйдет.

«Моя прелестница, вы пишете мне про обязательства, которые связали вас, и тем наполняете душу мою печалью. Ведь что есть данное слово против истинного чувства? Смею привести вам вердикт Суда Любви, в котором мне довелось принять личное участие. Вопрос был таков: «Возможна ли истинная любовь между лицами, состоящими в браке друг с другом?» Прения длились долго, и вердикт был вынесен единогласно: «Мы говорим и утверждаем, ссылаясь на присутствующих, что любовь не может простираť своих прав на лиц, состоящих в браке между собою. В самом деле, любовники всем награждают друг друга по взаимному соглашению совершенно даром, не будучи к тому понуждаемы какой-либо необходимостью, тогда как супруги подчиняются обоюдным желаниям и ни в чем не отказывают друг другу по велению долга...»

Тисса отложила письмо, не смея читать дальше.

Она ведь умоляла оставить ее!

Она твердо и в выражениях изысканных в последний раз два дня подбирала, стараясь выразить именно то, что чувствовала и думала.

У нее есть долг. Перед будущим мужем. Перед сестрой. Перед их светлостью, который принял Тиссу и Долэг в своем доме. Перед леди Изольдой: она добрая и милая. Тисса даже перестала читать листовки, хотя ей предлагали, но теперь это казалось предательством.

Как и просьба Гийома о встрече.

Она же не давала повода!

Не было ведь ни проигранного в фанты желания, ни предрассветных разговоров на балконе, ни слова, ни взгляда, ничего... Почему он не желает оставить Тиссу в покое?

И почему становится таким жестоким?

Когда только переменялся?

«...И мне горестно, что вы отвергаете этот сердечный дар во имя человека, вас недостойного. Он груб, хитер и коварен, как может быть коварен лишь мерзкий раб, но вскоре получит по заслугам...»

Тисса отправила письмо в камин.

Да как он смеет?

Тан, конечно, не самый воспитанный человек, но это же неправильно так о нем писать!

Он грубый. И порой – совершенно невозможный. Тиссе приходится прикладывать немалые усилия, сохраняя образ леди. Он смотрит сверху вниз и при любом удобном случае Тиссу высмеивает. А случаев она предоставляет немало... но не тан же виноват, что у нее не получается быть настоящей леди.

Что же касается происхождения, то здесь и вправду нельзя ничего изменить.

И Тисса впервые за долгое время позволила себе задуматься, как и кто определяет, кем человеку быть. Почему одни рождаются рабами, другие – простолюдинами, а третьи – в благородных семьях.

Это были очень опасные мысли. Хорошо, что никто, особенно леди Льялл, не сумел бы их прочесть. Ей бы мысли определенно пришлось не по вкусу. Девушкам и вовсе не полагалось думать: какой мужчина захочет себе думающую жену?

И Тисса решительно открыла любовную балладу.

Хотя бы там герои обязательно будут счастливы.

Мне снова не спалось. Становится традицией. И рыжий кот, устроившийся в изголовье, мурлыкал, уговаривая не глупить. Ночь. И нормальные люди спят. А наша светлость опять круги вокруг кровати нарезает. Мысли покоя не дают.

И главное, роятся, аки пчелы над пасекой.

Фермы и незаконная работоторговля. Законная, впрочем, тоже мало приятней.

Воровство из казны.

Благотворительность, оказываемая лишь достойным.

Девочки, которые в пятнадцать лет считают себя уже совсем взрослыми... и двенадцатилетние невесты. Женщина не может убить мужчину.

А мужчина имеет полную власть над женой.

Что я могу сделать со всем этим? И надо ли? Может, мне все это лишь кажется ненормальным? Я ведь чужая... и вообще я не подряжалась миру улучшать! Я только замуж хотела.

Вышла.

И вот теперь не спится.

Реформаторский зуд не дает. Но что я знаю об управлении государством? Только то, что власть бывает законодательная, исполнительная и судебная. И вся у Кайя, но реформы – любые – придется проводить через Совет, а это, подозреваю, дело муторное...

И вообще, прежде, чем изменять что-либо, надо разобраться, как оно работает.

– Лаашья... – Я впервые решилась заговорить с моей телохранительницей.

Ее отмыли и переодели. Ей шли алые шаровары, и, удивительное дело, бирюзовая полотняная рубаха длиной до колен вполне с ними гармонировала. Рубаху Лаашья перевязывала широким поясом с перламутровой чешуей. В косицах ее прибавилось лент, а на запястьях блеснули браслеты.

– Лаашья слушать леди.

– Присядь, пожалуйста...

Кресла так и стояли у камина. Я заняла то, в котором обычно сидел Кайя, и указала Лаашье на второе. Подойти она подошла, а вот садиться не стала.

Не положено?

– Я хочу тебя кое о чем спросить. Если, конечно, тебе можно о таком рассказывать. Как у вас принимают законы?

При ней нет оружия, во всяком случае такого, которое я бы заметила. Ножи разве что в широких ножнах, перекинутых крест-накрест наподобие патронташа. Из ленты ножен выглядывают белесые рукояти.

– Есть большой закон. Есть малый закон. Малый закон жить семья. И семья собираться. Думать. Каждый сестра говорить и старший сестра слушать. Тогда решать, как есть хорошо. Когда решить, тогда закон. Большой закон жить все. И старший сестра каждый семья собираться. Говорить. Спорить. Кричать много-много. Потом решать. Белый камень – быть. Черный – не быть закон. Большой мать камнями считать.

То есть некое подобие демократии? Обсуждение закона и голосование?

– Но Большой мать уметь говорить сам. Она говорить – есть закон. И закон есть. Кто не хочет закон, тот умер.

Ясно, с демократией немного поспешили.

– Но так быть мало-мало, – добавила Лаашья и тронула кольца, которые в губе висят. – Большой мать любить всех. Она хочет, чтобы хорошо быть. Она говорить: не надо сын продавать. Надо сын учить. Корабль строить. Дом строить. Рыба ловить. Много-много делать... красивое. И дочь не только купец резать. Везти вещь на рынок. Деньги быть. Радость. Закон такой – нет. Но Большой мать говорить. Слушать кто – богатый. Я не слушать. Я думать, что сила иметь. И никто не бояться.

А вышло иначе. Я проникаюсь невольным уважением к их Большой матери, леди-протектору, которая пытается изменить привычный уклад свирепых дочерей своих. Вряд ли это тоже просто.

Не продавать сыновей. Торговать.

Жить в мире.

Разве боги войны не должны желать обратного? Как мне не хватает Кайя! Он бы объяснил.

– Лаашья, сядь, пожалуйста. Здесь никого нет. И вряд ли кто-то появится.

Она присела, скрестив руки на груди, вернее прикрыв пальцами рукояти ножей. Малейший шорох, и клинки оставят пригретые гнезда, чтобы поразить цель.

– Леди не знать. Лаашья не думать пугать, но леди быть аккуратный. Купцы нанять охрана. И Лаашья их не трогай. Она жди. Месяц жди. И два. И три. Они думать, что нет Лаашья, и больше охрана не платить. И тогда Лаашья выходить. Всех резать.

То есть она тоже считает, что наша светлость рано расслабилась? А пример жизненный, и надо бы прислушаться к умным людям.

– А бедные у вас есть? Им помогают?

Лаашья задумалась. Ее смуглое лицо было словно сшито из лоскутов, соединенных шрамами-швами.

– Семья кормить каждый в семья. Сестра иметь корабль. Сестра давать кусок добыча семья. И кусок брать сам. Останется – делить. Семья строить дом всем. В дом жить старший. И дети. Старый растить детей. Песни петь. Учить. Семья слабый – кормить мало. Семья сильный – много. Старший сестра судить, кто делать не так...

Что ж, своеобразно, возможно, эффективно, но совершенно понятно, что нашей светлости не подходит. Кажется, пришла пора познавать окружающий мир.

И желательно бы в соприкосновении с этим миром.

Проснулась наша светлость с легкой мигренью – подозреваю, скопившимся за ночь мыслям попросту тесно было в голове, – но в настроении бодром, готовом к подвигам. Благо име-

лось, куда энергию приложить: прошения принесли в сундуках. Солидных таких сундуках, окованных железом. Я попробовала один такой приподнять. Тяжелый.

И вот что со всем этим добром делать?

– Это за последние полгода, – сказала Ингрид, откидывая крышку.

Пахнуло плесенью. Бумаги, которыми сундук был забит до отказа, отсырели. На некоторых поплыли чернила. И это только те, которые лежали наверху.

Что будет, если копнуть глубже?

Я взяла несколько листов.

...прошу... ходатайствую... взываю о милосердии благородных дам...

...оказать помощь в связи с утратой кормильца...

...выделить средства на обучение...

...постройку дома...

...организацию дела...

...содержание малолетних детей...

...лечение дочери...

Так. Стоп. Разбирать это в одиночку я буду долгие годы... ну или месяцы. Сундуков у меня три. Фрейлин – дюжина. Осталось процесс организовать и возглавить. Для начала информацию попробуем систематизировать.

– Дамы! – Я критически обозрела мой женский легион, понимая, что грядущий поход обещает непредвиденные сложности.

Кайя жаловался на баронов? Есть опасение, что с баронессами и того веселее будет. Ничего, дорогу осилит идущий. Эх, марш военный сыграть некому вдохновения ради.

– Я прошу вашей помощи в одном нелегком, но очень благородном, – неблагородные занятия леди предлагать неблагородно, – деле. Здесь лежат прошения людей о помощи.

– Бедных? – уточнила леди Тианна, накручивая темный локон на палец.

Синеглазая, белокожая, прекрасная, как статуя. И мозгов столько же.

Любовь зла?

– Бедных. – Ингрид ответила за меня, глядя на подругу с нежностью.

Мне завидно. Просто-напросто завидно, хотя и зависть эта с оттенком горечи. Мы с Кайя будем вместе. А они вряд ли. И все, что у них есть, это запрещенная любовь сейчас.

– Надо их рассортировать... разложить. Давайте на этот угол ковра кладем бумаги, где просят денег на лечение. Сюда – все, что касается содержания семьи. Пособий...

...сомневаюсь, что здесь известен подобный термин.

– ...то есть где говорится, что погиб кормилец или просто не хватает денег, чтобы жить. Сюда, – я перешла к другому ковра. Ощущение, что собираемся играть в безумные шахматы, – все, что касается открытия своего дела... и обучение... а тут – то, что никуда не подходит. Ясно?

Фрейлины кивнули и переглянулись. Как-то не вижу вдохновения на лицах. Я понимаю, что мышинный особняк – занятие куда более привлекательное, но пора сделать что-то действительно полезное.

– А ваша светлость уверены, что это... – леди Доэн двумя пальчиками взялась за угол листа, – ...прилично?

– Уверена.

Так, мое мнение не аргумент? Ничего. Воспользуемся мнением конкурентов.

– Леди Флоттэн занимается благотворительностью. Вы же не считаете, что леди Флоттэн способна сделать что-то неприличное?

Они не считали. Они вздрогнули и посмотрели на сундуки с совсем иным выражением в очках.

– К сожалению, – я надеялась, что сожаление в голосе получилось искренним, – дамы из Благотворительного комитета слишком стары и немощны, чтобы справляться со всем этим...

Сундуки стоят открыты... просто-таки нагло разверсты. Добро ожидает быть сделанным.

– Наш долг – помочь им.

Больше и говорить-то ничего не потребовалось.

Вечер я встречала среди бумажных гор. И выше прочих была та, которую сложили из испорченных прошений. За каждым ведь стояло что-то. Последний шанс. И надежда. А ее в сундук... читали хотя бы? Сомневаюсь.

Серая бумага. Бледные чернила. И чужие просьбы. Сотни чужих просьб. Что мне с ними делать?

Решать.

«...Солнце мое, я сегодня разбираю чужие надежды. Это так странно – иметь возможность кому-то помочь и иметь выбор, кому помогать. Я не уверена, что у меня получится не ошибиться.

За каждым прошением мне слышится голос.

И в какой-то момент мне захотелось оглохнуть. Собрать бумаги, запихать в сундуки и вернуть их на прежнее место. Пусть себе догнивают. Какое мне дело до чужих проблем?

Ну вот, высказалась.

Их слишком много! Я гуляла по городу, тогда, с Урфином. И город показался мне богатым. Люди – довольными жизнью. Но теперь у меня ощущение, что каждому человеку нужна помощь.

Но если отвлечься от нытья, которое хоть и приносит моральное удовлетворение, однако проблему не решит, то у меня возникло несколько идей.

Во-первых, что касается вопросов строительства и организации дела. Люди, которые обращаются с подобными просьбами, как правило, имеют некую сумму, которой недостаточно. Я предлагаю предоставлять им остаток суммы в долгосрочный заем под некий процент. Возможно, с отсрочкой первых платежей на год или два. Так делают в моем мире. Возникнет вопрос залога и гарантий возврата денег, но если решить их, то такие займы будут выгодны. Думаю, они существуют и у вас, но я не знаю, в какой форме. Полагаю, что многое упирается в процентную ставку.

Я была бы благодарна, если бы ты подсказал, с кем я могу побеседовать на эту тему. Желательно, чтобы этот человек не стал бы смеяться над моим слабым женским разумом.

Во-вторых, как ты посмотришь на то, чтобы построить лечебницу? Не могу поверить, что в городе на триста тысяч жителей нет ни одной лечебницы! Хотя, конечно, мои фрейлины могли и напутать. Но если нет, Кайя, ты должен ее открыть! Это, конечно, обойдется недешево, но меня поразило огромное количество просьб о помощи. Как понимаю, пригласить доктора может не каждый, но это же не значит, что люди должны умирать. Да и заработок врача зависит от количества пациентов и не всегда стабилен. Если же ты согласишься платить им некую сумму ежемесячно – отвратительно, но я не в курсе местных заработков, хотя бы приблизительных, – то это было бы выгодно и для них. Я не предлагаю нанять самых дорогих докторов, но хотя бы тех, кто сам ищет работы. Возможно, что в помощь им дать учеников. Им же нужна практика? Думаю, это спасло бы многие жизни.

К слову, сюда же можно включить третий пункт: много прошений об оплате учебы, в том числе в гильдии медиков. Если удовлетворить эти просьбы, однако с условием обязательной двух-трехлетней отработки в твоей лечебнице, это позволит в довольно короткий срок получить некоторое количество специалистов, которые нужны протекторату.

Полагаю, Макферсон придет в ужас, узнай он о моих планах разорения твоей казны. Но я воздержусь говорить что-либо, пока не получу ответа от тебя.

Отвратительно деловым получается письмо. Но настроение у меня такое... никакое.

Я выходила ждать снег, но его не было. Опять дождь, который к вечеру прекратился. И небо прояснилось, словно дразнится. Оно грозит продлить осень, а мне каждый день дается с боем.

Иногда я думаю, что можно бросить все и увязаться за гонцом. Тот, кто возит тебе письма, привез бы и меня. Но вряд ли тебя бы эта встреча обрадовала.

Я не буду делать глупостей, не волнуйся. Но иногда достаточно помечтать.

Вчера мы переодели Тиссу, и вот что я хочу тебе сказать, дорогой. Впрочем, не только тебе...»

Эта встреча тоже была случайной. И Юго подумал, что в последнее время как-то много их стало – случайных встреч. И если бы он верил в судьбу, то непременно решил бы, что та имеет свои планы на Юго, иначе зачем так старательно сводит его с недоучкой.

Тот шел по улице, держась в тени, с сосредоточенным видом человека, который совершенно точно знает, куда и зачем он движется. Юго успел нырнуть в переулок, хотя, пожалуй, останься он на месте, вряд ли удостоился бы взгляда.

Все-таки одежда и место здорово меняют людей.

И недоучка выглядел иначе, чем обычно. Пожалуй, сейчас в нем ничего не осталось от сиятельного лорда – Юго сдержал смехок – и тем паче рыцаря. Обыкновенный человек. Не богатый, но и не бедный, из мелких купцов или же бывших вояк, хотя одно другому не мешает. Капитан захудалого суденышка, из тех, что равно промышляют и торговлей, и грабежами. Или просто наемник, каковые в городе еще остались. Но главное – свой человек. Чужие так вольно не ходят.

На недоучке потертая куртка со щеголеватыми пуговицами, парочка из которых не то потерялась, не то сгнула в кармане ростовщика, старые, но крепкие штаны. Сапоги вот хорошие, из лосиной кожи. И все равно видно – ношенные. Вместо меча – длинный рыбацкий нож, с которым, Юго был уверен, недоучка управлялся не хуже, чем с мечом.

Куда это он такой красивый собрался?

И как было следом не пойти?

Юго держался в отдалении. И шел, стараясь не слишком цеплять недоучку взглядом. Тот же переступил через нищего, бросил монету другому попрошайке. Отмахнулся от излишне ретивой шлюхи, которая, обиженная на отказ, разразилась бранью.

Мелочи, мелочи...

Что из них важно?

Юго решит. Потом.

Безымянная таверна – вывеску давным-давно обглодали дожди – стояла на углу. Недоучка огляделся, нахмурился: чем-то не по душе ему место пришлось, – но все же вошел внутрь. И Юго, выждав некоторое время, нырнул следом.

Низкая дверь. Высокий порог. Пол земляной, утоптаный и укрытый соломой. Печь чадит, и едкий дым заполняет помещение. Юго зажал нос и глубоко вдохнул, привыкая.

Ну вот что за тип? Вечно его в грязь какую-то тянет... сидел бы в замке.

Недоучка беседовал с человеком самой неприметной внешности. Невысокий, но и не низкий, средней полноты, какой-то серолицый – впрочем, в дыму все немногочисленные посетители таверны были одинаково серолицы, – но даже среди них человек терялся. Юго позавидовал этакому умению, хотя и на него самого внимание обращали редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.